

А. П. Гайдар

В дни поражений и побед

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А. П. Гайдар**
В дни поражений и побед / А. П. Гайдар – М.: Книга по Требованию, 2013. –
106 с.

ISBN 978-5-458-03288-9

ISBN 978-5-458-03288-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Аркадий Гайдар
В дни поражений и побед

Часть первая

I

Сергей получил от приятеля такое письмо:

«Ты, по всей вероятности, думаешь, что я спокойно сижу на агиткурсах, куда послал меня Комсомол, но в таком случае ты глубоко ошибаешься. Не в моем характере работать словом тогда, когда можно агитировать руками, а потому с агитационных я ушел на Командные Курсы Красной Армии, где нахожусь уже 2-ю неделю. Через 10 дней мы в полном составе уезжаем в только что очищенную от петлюровцев Украину – в Киев. Ты себе представить не можешь, как рады этому все наши ребята. Еще бы! Работа в этой стороне должна быть живой и интересной. Мой горячий совет тебе: бери немедленно документы и аттестации из Горкома и валяй тоже вместе с нами. Будем работать и учиться вдвоем. Только решай скорей – времени осталось мало. Жду тебя. А пока крепко жму твою лапу. Прощай.

Твой Колька».

Внизу подле набросанной чернилами пятиконечной звезды, совсем не отличавшейся пропорциональностью линий, следовала приписка: *«Да здравствует Красная Армия и ее надежный пролетарский Комсостав».*

Получив это письмо, Сергей думал не больше пяти минут, подошел к матери и сказал:

– Завтра я уезжаю.

– Куда? – несколько побледнев, спросила она.

– В Москву, а затем на Украину. В армию, – добавил он.

Спорить было бесполезно, да мать и не спорила. С грустью посмотрела она на него, вспомнила об убитом на войне муже и только тяжело вздохнула.

Документы Сергей получил хорошие.

II

Москва.

Пятницкая, 48.

Пониже прибитой красной звезды надпись: «9-е Советские Командные Курсы Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Во дворе Сергея сразу же удивили толкотня и разговоры. Бегали

курсанты, таскали на грузовики доски и столы. Куда-то волокли набитые соломой тюфяки, а у стены наваливали в огромную груду деревянные топчаны.

– Товарищ, – обратился Сергей к стоявшему у ворот курсанту (судя по штыку – дневальному). – Как мне в канцелярию пройти?

– В канцелярию? – переспросил тот, – вот уж, право, не знаю. Была раньше вон там, – показал он рукою, – но еще утром сегодня оттуда уже все повыволокли. А вам зачем туда?

– Документы сдать. Я на курсы приехал.

– А! – улыбнулся тот. – Так вы жарьте к комиссару. Егоров! – окликнул он одного из проходивших. – Проводи товарища к комиссару.

Сергей пошел со своим проводником через длинный ряд комнат, носивших на себе следы все того же разгрома.

– Завтра уезжаем, – весело пояснил его проводник. – А вы что? К нам что ли приехали?

– К вам.

– Ну вот и хорошо, что во-время еще захватили, а то пришлось бы вам оставаться где-нибудь в Москве.

Сергей согласился, что точно хорошо.

Вот и комиссар. Сергей отворил дверь и вошел. Напротив, за столом, заваленным бумагами, сидел человек лет 40–45.

– Поздновато, – окинул он взглядом Сергея, вручившего ему бумаги, – поздновато. Канцелярия уже упакована.

Сердце Сергея дрогнуло. Комиссар о чем-то думал.

– Строй проходили?

– Проходил.

– Где?

– В боевой дружине коммунистов.

– Так вы – член партии? – уже более мягко спросил он.

– Да.

– Знаете ли вы, что служба курсанта трудна и что с вас много будет спрашиваться?

– Знаю, – твердо ответил Сергей. – Но тем не менее решил пройти ее и последующую за ней службу красного командира до конца.

Комиссар взглянул на него, улыбнулся и, написав что-то на клочке бумаги, подал написанное Сергею.

– Оставьте ваши документы, а это передайте командиру первой роты.

Среди суматохи, царившей на дворе, Сергей не без труда нашел

командира первой роты. У того в это время шла горячая работа – погрузка цейхгауза. Едва взглянув на записку, он окрикнул выглядававшего из-за груды шинелей курсанта.

– Эй, старшина!.. Лебедев! Передай-ка товарища в первый взвод.

Старшина, невысокий, крепкий, с солдатской походкой, выдававшей в нем старого унтера, повел Сергея на самый верх.

– Вот, – сказал он, обращаясь к взводному курсанту, – возьми его, брат, к себе на попечение.

– Ставь свою сумку сюда, – проговорил тот, переходя сразу на ты. – А спим мы сами вторые сутки на голых досках. Обойдется до завтраго-то.

– Обойдется, – засмеялся Сергей.

Он примостил свои вещи в угол к пустой койке, умылся под водопроводным краном, потом решил сходить поискать Николая.

– Вы его не найдете, – сказал ему первый, кого он спросил, – он в карауле на вокзале. Завтра в десять им смена будет, тогда и придет. «Жаль, – подумал Сергей. – И сходить нельзя, очень уж далеко».

От нечего делать он отправился во двор. Сначала глядел, а потом и сам стал грузить цейхгауз, мебель из клуба, библиотеку, огневые припасы. Проработав наравне со всеми до самого вечера, он, усталый, но возбужденный работой и новыми впечатлениями, наконец добрался до своего жесткого ложа. Подложил под голову шапку, патронташ, укрылся шинелью, и почти тотчас крепко заснул.

Утром он снова работал на дворе. Погрузка уже близилась к концу. Он нес вместе с тремя курсантами последний ящик с книгами, когда вдруг увидел возвращающийся с вокзала караул. Присмотревшись, он сразу узнал Николая и окликнул его. Тот удивленно взглянул и подбежал к нему с оживленными и радостными распросами:

– Как? И ты здесь?

– Как видишь.

– Давно?

– Со вчерашнего дня.

Николай помог взвалить ящик на грузовик, и они отправились в помещение.

– Втроем-то мы ух как загуляем на Украине, – сказал Николай, усаживаясь рядом с другом на голом топчане.

– Как втроем? – переспросил несколько удивленный Сергей.

– А! ты еще не знаешь! – спохватился тот и завопил: – Володька! Володька!.. Егоров! Вот! – продолжал он, указывая на подходившего к ним курсанта. Сергей узнал в нем своего вчерашнего провожа-

того. – Это и есть третий.

– Мы уж знакомы, – перебил его тот. И три новых друга уселись вместе и начали оживленно болтать.

Случай свел новых товарищей в один взвод первой роты. Ростом они были разные. Николай стоял вторым от правого фланга, Сергей – посередине, а Владимир – на левом.

III

Напоследок все особенно много бегали и суетились. А вот и сигнал: «повестка» или «сбор». С подсумками и винтовками выбегают курсанты. Запахавшийся завхоз торопит какую-то отставшую подводу.

Раздается команда:

– ...Станови-и-ись...

– Командир батальона, – шепчет Сергею, убегая на свое место, Владимир.

Длинная, длинная серая лента, – шестьсот человек. Роты рассчитаны. Музыканты на местах.

– Батальон, смирно. Под знамя. Слуш-а-ай. На-караул. Раз... два!.. – Ровная щетина стальных штыков.

Потом вновь раскатывается протяжная команда:

– Батальон направо. Отделениями правые плечи вперед. Ша-агом марш.

Затем – коротко и резко:

– Прямо.

И батальон двинулся под раскаты боевого марша.

* * *

На вокзале быстро погрузились в вагоны.

Двадцать теплушек с курсантами, классный вагон со штабом, а дальше – платформы с кухнями и двуколками.

Отправление было назначено через час.

Николай пошел за кипятком на станцию, Владимир – в цейхгауз – получать на троих хлеб и сахар.

В вагоне было тепло от топившейся железной печки, шумно и весело. Через полуоткрытую дверь мелькнула голова пробегающего мимо дежурного по эшелону комроты. Вздрыгнул состав от толчка прицепившегося паровоза. Прозвучал последний сигнал, и поезд тронулся. Несмотря на вечерний холод, курсанты разом распахнули двери и окна.

– Прощай, Москва!

– До свидания!
– Счастливо оставаться!

Запели:

«Прощайте, матери, отцы, прощайте, жены, дети,
мы победим, – народ за нас!
Да здравствуют Советы!»

Стало уже совсем темно. Тысячи огненных искр летали и кружились за окнами. Мерно постукивали колеса и мощно ревел, ускоряя свой ход, паровоз.

IV

Мелькали грязные серые деревушки; с покрытых снегом полей бежали мутные ручьи, леса стояли черные и голые. Но чем дальше уходил эшелон к югу, тем зеленее и приветнее становились рощи и поля, а там, где впервые начали попадаться белые мазанки хуторков, было уже совсем по-весеннему сухо и тепло.

На одной из небольших станций Сергей в первый раз увидел начальника курсов.

Он шел рядом с комбатом и говорил ему коротко и сухо:

– Вы останетесь за меня. На станции Конотоп мы со вторым эшелонном вас нагоним.

– Слушаю, – ответил комбат. И они прошли мимо.

«Так вот он какой», – подумал Сергей, входя в вагон.

На следующей станции испортилось что-то в паровозе. Пользуясь вынужденной остановкой, дежурный по эшелону распорядился выдать обед раньше времени. Паровоз чинили долго – курсанты уже успели отобедать, уже какой-то товарный поезд проскочил мимо скачущего эшелона, – а они все еще стояли.

Наконец раздалась три жиденьких свистка. Застучали колеса. Обрадованный Владимир принялся мастерить что-то своим крепким перочинным ножом.

– Ты что это делаешь? – спросил у него Сергей.

– Пропеллер! – шутя ответил тот. – Сейчас приделаю к вагону, и эшелон полетит как аэроплан.

Через полчаса он действительно смастерил пропеллер, и тот с веселым жужжанием завертелся на-ходу.

Однако, хитрая штука не помогла поезду. Даже, наоборот, паровоз тревожно загудел и вдруг круто затормозил, останавливаясь на небольшом разъезде, перед человеком с красным флагом на путях.

– В чем дело? – кричал, подбегая, дежурный по эшелону.

Маленький железнодорожник, путаясь, скороговоркой ответил:

– Впереди, в пяти верстах, крушение, – товарный разбился!

– С встречным что ли столкнулся?

– С рельс сошел? – посыпались вопросы.

– Нет! – испуганно ответил тот. – Была банда... разобрала путь.

Взводные командиры роздали из раскупоренных ящиков боевые патроны. Громяхая щитом, забирается пулемет на паровоз. Двери и окна открыты, и без гудков, без свистков бесшумно эшелон продвигался вперед. Сергей лежал на верхних нарах рядом с Владимиром и зорко всматривался в медленнодвигающуюся чащу леса.

– Смотрите! смотрите! – вдруг заговорили кругом. – Вон... видно...

Впереди, в пятидесяти саженьях, чернели разбитые вагоны товарного поезда, недавно обогнавшего эшелон. Рядом стояли два человека и больше никого.

Поезд остановился... Первый взвод быстро выскочил из вагона. Вот и место крушения, около которого стоит путевой сторож.

– Нету, – кричит он подбегающим, – нету, ушли бандиты.

Сергей прошел мимо разбитых вагонов и, вздрогнув, остановился неволью. На лужайке подле сваленного расщепленного вагона лежали три изуродованных трупа.

Напрасно вторая рота до поздней ночи обыскивала кругом окрестность, – шайка пропала бесследно, ничего не тронув и не разграбив.

Старик-сторож из соседней будки рассказывал: обходя линию, он заметил до двадцати вооруженных людей, развинчивавших гайки и накладывавших рельсы поперек пути. Он быстро повернул и побегал домой к телефону, чтобы предупредить несчастье. Но дома у аппарата он застал двух человек с винтовками, спокойно справлявшихся у разъезда о времени выхода поезда.

Не успел он опомниться, как получил прикладом по спине и очутился запертым в небольшом чулане. Через несколько минут бандиты вышли. С большим трудом он выбрался через узенькое окошко. В это время мимо промчался товарный, и через несколько минут послышался страшный грохот. Прибежав на место крушения, он нашел только одного уцелевшего кондуктора, с которым и вытащили они из-под обломков четыре трупа – машиниста, кочегара и двоих из бригады.

– А знаете, что я вам скажу, – обратился к товарищам Николай. Ведь крушение-то, должно быть, предназначалось нам.

– Как?.. Почему? – слышались удивленные голоса.

– А вот почему. Если бы наш паровоз не попортился на последней

станции, где мы обедали, и если бы его не чинили так долго, то раньше прошел бы наш эшелон. Странно и то, что ничего не тронуто и не разграблено. Очевидно рельсы выворачивались не для этой цели.

– Да как же впереди могли знать, что следует наш эшелон?

– Уж не предупредил ли какой-нибудь телеграфист-петлюровец?

Все согласились, что предположение очень и очень правдоподобно.

Ночью пришел вспомогательный поезд с рабочими, а утром эшелон с курсантами по очищенному пути двинулся снова вперед.

На станции Конотоп их догнал второй эшелон.

Начальник курсов, выслушав доклад командира батальона, намурлил брови и пошел в вагон к комиссару.

Три звонка... сигнал, и опять дальше, дальше. Конец пути прошел без приключений и, проснувшись рано утром на пятый день путешествия, через раскрытые окна и двери увидали курсанты столицу Украины – Киев.

V

Огромное трехэтажное здание бывшего кадетского корпуса, способное вместить в себя чуть ли не дивизию. Впереди корпуса – красивый зеленый сад с фонтаном, справа – широкий, обсаженный тополями плац для строевых занятий, а позади, подле высокой каменной стены большого двора, – густая, зеленая роща.

Первую роту поместили наверху в просторных светлых комнатах с окнами, выходящими в рощу. В различных частях корпуса стали размещаться комсостав, его семьи, служащие, музкоманда, околоток, похожий по оборудованию на лазарет, всевозможные цейхгаузы, классы, кабинеты.

Весь день кипела работа. Часам к пяти, когда койки были расставлены, а матрацы набиты, курсантам объявили, что они свободны, и для первого дня желающие могут, даже без увольнительных, отправляться в город.

– Ты пойдешь куда-нибудь? – спросил Николай у Сергея.

– Нет. Не хочется что-то.

– Ну, а я пойду. По делам, – добавил он.

– Какие же у тебя могут тут быть дела? – удивился Сергей.

– В поиски, брат. У моей матери тут где-то сестра живет, то-есть, значит, моя собственная тетка. Но кроме того, что она живет на какой-то Соломинке, я ничего не знаю.

Он ушел, а Сергей и Владимир спустились вниз, повернули

налево за угол и очутились в роще. Воздух был теплый, пряный и немножко сыроватый.

Прятели прошли через небольшое болотце. Потом поднялись в гору и добрались до того места, где проходила линия железной дороги. Тут роща обрывалась, и дальше шли овраги и поля.

Лежа под деревом, они разговорились.

– Ты добровольцем пошел? – спросил Сергей.

– Ага, – ответил тот. – Когда отца убили, я убежал и поступил в первый попавшийся отряд.

– Кто убил?.. От кого убежал?

Владимир рассказал о том, как в Луганске к ним нагрянула банда Краснова, а у его отца скрывался раненый коммунист. После чьего-то доноса отца повесили, коммуниста замучили, а он сам, выпрыгнувши из окошка, разбил себе здорово голову, но все же убежал.

– Сволочи какие! – заметил Сергей.

– Ничего не сволочи, – возразил Владимир. – Были бы наши на их месте – то же самое сделали бы.

– То-есть как это?

– А так. Поживешь вот, увидишь. Потому что враги-то мы уж очень непримиримые, – пояснил он. – Конечно, издеваться – вон как петлюровцы: шомполами, нагайками да четвертования шашками, – это мы не будем, но ведь я и сам не задумался бы уничтожить при удобном случае всякого врага.

– Но раненый?

– Раненый? – усмехнулся Владимир. – Посмотрел бы ты, как этот раненый всаживал пулю за пулей из нагана в дверь, когда к нему ломились. Офицер так и тюхнулся. Жаль только, что своя последняя осечку дала. Вот и попался. Нет, брат, – прибавил он, немного подумавши. – Коммунист может быть или у своих – живым, или у врагов – мертвым. А... раненый? Слишком уж это дорого будет ему стоить...

Пока приятели разговаривали, Николай разыскивал тетку.

Соломинка оказалась совсем рядом, и он без труда узнал от первой же повстречавшейся хохлушки, где живет Марья Сергеевна Агорская.

Подошел к беленькому домику с небольшим садом, засаженным кустами сирени, и остановившись заглянул сначала в щелку забора.

За небольшим столиком в саду сидели две женщины и пили чай. Внимательно приглядевшись, он узнал в одной из них свою тетку.

Николай отворил калитку.

Обе старухи испуганно смотрели на него, но он уверенно подо-